Весь вечер они сидели у землянки и грелись у огромного костра, что Баки распалил для Стива, не жалея дров. Друид заварил им каких-то особых трав, и уже после третьей глиняной плошки Баки стало легко и светло, и ни одна дума не задерживалась в его голове, утекая беспрепятственно дальше. Очень скоро Стив, сидевший не рядом, а почти напротив, с другой стороны костра, спросил его:

— Ты видел?

Баки поднял на него непонимающий взгляд, хоть сердце сразу сжалось от вопроса.

— Что?

— То, что я делал на берегу, — друид смотрел прямо, серьёзно, и Баки не смог соврать:

— Да. Прости, я лишь хотел присмотреть за тобой. Я не хотел подглядывать твой ритуал.

Задумавшись о чём-то, Стив кивнул и продолжил смотреть на костёр. Они выпили весь настой, и совсем не хотелось ни есть, ни шевелиться. Только смутное беспокойство терзало Баки изнутри после неожиданного вопроса. Но и оно скоро улеглось.

Вытянув из ослабших пальцев плошку, Стив как-то по-особенному кивнул Баки и скрылся за шкурой. Наверняка, отправился отдыхать: закатные лучи давно потухли, розовое на небе сменилось серым, а затем тёмно-синим, появились первые искры звёзд. Баки сидел и смотрел на огонь, пока не остались от их костра одни угли. Тогда он поднялся и пошёл вслед за Стивом.

В землянке тлели угли в очаге, но даже если бы было темно, Баки смог бы дойти до своих шкур. Но первым делом он оглянул лежанку Стива и нахмурился: друида там не было. Зато кто-то лежал под шкурами Баки. Они чуть приподнимались и опускались от дыхания. Баки только покачал головой. Если бы в замке отца он нашёл кого-то в своей кровати, это значило бы только одно. Предложение. Но он понятия не имел, чего хотел от него друид.

Баки начал раздеваться. Стянул с плеч меховую накидку, откинул её в сторону, подальше от очага. Расстегнул пояс с ножнами и положил его рядом с лежанкой, так, чтобы быстро выхватить нож в случае опасности. распутал край килта и несколько раз обнёс ткань вокруг себя, неловко изгибаясь, пока не остался в одной длинной рубахе. Не снимая её, он подошёл ближе и постоял так, раздумывая. Внутри непонятно из-за чего не было никакой тревоги или сомнений. Только тишина. Он встал на колени и, откинув шкуры, осторожно лёг на самый край, надеясь не потревожить Стива. И, сам того не желая, прижался ногами к голым ногам и заднице. Рубашка на Стиве была задрана до самой груди, видимо, сбилась во сне.

Баки выдохнул сквозь сжатые зубы и прикрыл глаза. Он не был животным, но у всех имелись слабости, и он — не исключение. Баки очень хорошо знал, что не умеет отводить глаза и строить из себя незаинтересованность, когда ему настойчиво предлагают взять. Какой в своём уме полководец проедет мимо крепости, ворота которой открыты нараспашку, воины

побросали оружие и призывно машут руками? Баки только прижимался ногами к голой коже Стива, чувствуя, как кровь в венах горячеет, сердце разгоняется, а чресла наливаются тяжёлым желанием. Такое не скроешь, не уймёшь мыслями. Его можно только утолить.

Баки открыл глаза, рассматривая волосы на макушке Стива. Насколько он всё-таки меньше. Понимает ли он, что творит с ним? Баки почувствовал, как набравшаяся во рту слюна пролилась с уголка рта. Он проглотил её и решительно задрал свою рубаху повыше, прижимаясь налившимся горячим членом к прохладной белой коже, крепко обхватывая Стива рукой. Если бы… если бы он был сейчас в замке, если бы его левая рука была на месте, он бы не раздумывая раздвинул бы половинки, потрогал бы там — мокро или сухо? Вставил бы туда палец, чтобы проверить. Многие приходили к нему уже влажные и мягкие, и он с упоением проталкивался внутрь, в затягивающую тесноту, и двигался, пока его не накрывало освобождение. Но что ему делать сейчас, Баки не мог понять. Он чуть двинулся, скользя прижатым членом между ягодиц, и остановился. Удовольствие связалось с желанием в тугой узел, от которого яйца казались невыносимо тяжёлыми. Он хотел внутрь. Хотел так сильно, что его затрясло. Рука соскользнула по коже Стива, и Баки случайно задел что-то твёрдое, горячее. И замер. Только сейчас он услышал, как всхлипнул и затих Стив. Только сейчас почувствовал, что не один дрожит — Стива тоже колотит мелкой дрожью. Внезапно тот изогнулся под рукой, и со сладкой болью прижался ягодицами к Баки. Повернулся, как мог, лицом к лицу. Глаза у друида были огромные и блестящие.

— Ты меня извёл. И сам весь извёлся. Хочешь взять меня, как мужчина берёт женщину?

У Баки от горячего шёпота, от ощущения такого хрупкого, тонкого тела, прижимавшегося к нему, во рту пересохло. Он только и мог, что долго молчать в стиснутые зубы и разглядывать его слипшиеся от слёз ресницы.

— Хочу, — прохрипел он, наконец. Потянулся губами и собрал солёную дорожку со скулы. — Ты боишься?

Стив распахнул глаза шире. Сейчас они были как два колодца с тёмной водой. И никак не светлыми прозрачными ручьями — затягивали в глубину, лишали разума.

— Боюсь. Я в ужасе. Тогда… когда твои воины… все, по очереди… и тот, страшный, со шрамом… они… я думал, умру тогда. Так больно было, так отвратительно. Я хочу тебя ненавидеть, но не могу. Сам ложусь к тебе, потому что ты словно жилы из меня тянешь. Не могу больше. Пускай лучше ты сделаешь больно, может, тогда я успокоюсь. Пожалуйста…

Шёпот сорвался, снова покатилась слеза, которую Баки быстро слизнул языком. Не в силах сопротивляться своему оглушающему желанию, он сжал зад Стива в руке — и тот весь вошёл в его ладонь. Такой маленький, такой хрупкий… как же они будут? Баки пальцами надавил на ложбинку, слушая, как судорожно дышит дрожащий Стив, пока не ткнулся в морщинистые складочки заднего прохода. Сухие и сжатые так, что даже пальца не всунуть. Баки помял вокруг и зарычал — ничего не получится. Не выйдет, потому что сил у него уже никаких нет терпеть. Снова с силой прижав дрожащего Стива к себе, он прорычал ему в ухо:

— Ноги сожми. Сильнее! Вот так… — выгнув спину, он попал членом прямо Стиву под яйца, влажно проскользив потёкшей головкой между сжатых ляжек. Было так хорошо и больно, что Баки задохнулся на короткий миг. И стал двигаться. Вперёд, сильнее, назад, снова вперёд, под ягодицами, задевая мошонку. Быстрее. Ещё… — Сжимай! — обессиленно прохрипел он и обнял пальцами попавший под руку член Стива. Тот охнул и задрожал, сжал ноги так, что Баки едва смог двигаться.

— Тише, — зашептал он, оглаживая пальцами небольшой член. Он был таким приятно-твёрдым и влажным, что Баки зажмурился от удовольствия. Он уже совсем близко подобрался и готов был вылиться. Эта до тошноты сладкая судорога словно замерла на середине, не желая продлеваться, и Баки, застонав, задёргался быстрее, сжатый бёдрами Стива. Задвигался неровно, шлёпая кожей живота о напряжённые ягодицы, как вдруг Стив тихо вскрикнул, и в руке стало мокро и скользко от его тёплого семени. Баки уткнулся лбом в светлую, пахнущую травой макушку и, выдаивая Стива до капли, сам с облегчением излился между сжатых ног. Улыбка, растянувшая его губы, когда Стив запачкал ему пальцы, превратилась в усталый оскал. Хорошо, что Стив не видел его лица.

Они лежали под шкурами, все мокрые и горячие, шумно дыша. Никто больше не дрожал, но Стив не скоро восстановил дыхание. Он отнял свой член из пальцев Баки, потому что тот просто так не мог его выпустить, и, испачкавшись, поднял руку к своим глазам:

— Моё семя… — очарованно прошептал он.

Баки хмыкнул в ответ:

— Что, первый раз видишь?

Но Стив вдруг сжал руку в кулак и сам сжался. Отстранился, чтобы больше не касаться ни обнажённой кожи Баки, ни его влажного и ещё не совсем опавшего члена. Баки опешил: неужели в первый раз?

— Ты… это, не бери в голову, — мягко сказал он и снова придвинулся вплотную, прижимаясь и целуя в плечо, в шею, в ухо. — Это не больно. Я не хочу делать тебе больно. Только хорошо. Как сейчас.

Плечи Стива дрогнули. Баки вздохнул. Он хотел бы погладить его по волосам, но по пальцам ещё текло семя.

— Тише, не нужно, — Баки с силой взял руку Стива, сжатую в кулак, и заставил разжать. Он переплёл их пальцы и, повинуясь животному желанию, поцеловал костяшки Стива, а после широко лизнул их, пробуя влагу на вкус. Горьковато-солёно, вполне съедобно, вот что пришло ему в голову. Никогда прежде не было желания — а сейчас он был готов вылизать не только руки, но и всего Стива. Если бы тот только разрешил… — Мы можем всегда, когда ты захочешь. И не будет больно. Я слово даю.

Стив ещё несколько раз тихо вздохнул, а потом затих и ровно засопел у Баки под крылом. Было так хорошо, так спокойно, что, даже засыпая, Баки не переставал счастливо улыбаться. Почему-то теперь он надеялся, что такого, как сейчас, у них будет много. Теперь друид на самом деле станет его. Только его.

http://erolate.com/book/3459/83641